

ВРЕМЯ И АВТОР В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА И ПИСАТЕЛЯ ЮЛИАНА СЕМЕНОВА

Иванов А.И.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Ivanov_ai@bk.ru

Сейчас, когда сравнительно недавнее советское прошлое вызывает полярные оценки, когда отношение к советской действительности продолжает разделять деятелей культуры, хотелось бы обратиться к творчеству Юлиана Семенова (1931-1993), которого вспоминают лишь как автора «Семнадцати мгновений весны».

В числе главных вопросов у наших современников, обращающихся к творчеству, личности Юлиана Семенова – писателя 1960-70-х годов – прежде всего звучат вопросы о его отношении к социализму, о принадлежности к «системе». Обратимся к беседе Ксении Лариной с журналистом и писателем Евгением Додолевым, близко знавшим Юлиана Семенова, вместе с ним начинавшим делать газету «Совершенно секретно».

«Герой Ю. Семенова Штирлиц стал поистине народным героем, но как писатель Ю. Семенов почти забыт, – сказала К Ларина. «...И что для меня существенно – он был еще и не системным писателем, он был не системным человеком. Он, вопреки многочисленным слухам и мифам о его принадлежности к административно-командной системе в качестве негласного сотрудника госбезопасности, был абсолютно несистемным человеком, ненавидевшим эту систему и сделавшим очень много для ее разрушения на самом деле. И его общественная деятельность, она как-то незаслуженно умалчивается».

Е. Додолев: Действительно, вы правы, он не народный писатель, его подзабыли. Про него как про литератора должны говорить такие люди, которые в этом разбираются, типа Лев Анненский, который о нем отзывается не только как о друге, но как о коллеге, как о литераторе и писателе. Он был потрясающий персонаж. Человеческий масштаб его был невероятный. Я со многими людьми был знаком и сейчас знаком. Но Юлика я забыть не могу, потому что харизма у него была потрясающая. Некоторым казалось – я вот помню взглядовцев, – что это отрицательная харизма. Почему такая оценка была? Он был понтарь, он любил понты: вот эти сигары гавайские, эта безумная цепочка на ноге, какие-то мягкие клетчатые шелковые пиджаки, его борода неаккуратная. Вот эти понты некоторых раздражали: что ж ты такой не советский, не земной вообще.

К. Ларина: А он верил в социализм с человеческим лицом? Наверное, да.

Е. Додолев: Он верил в социализм с человеческим лицом. Он был совершенно очарован Горбачевым, он писал Горбачеву, получал ответы из секретариата. Кстати, последнее, что написал Семенов в своей жизни, вообще последнее, что он написал, это письмо Горбачеву» [1].

В 2011 году к 80-летию со дня рождения вышла книга о Юлиане Семенове [2], которая содержит архив, письма, отклики, публикации журналиста и писателя. И мы воспользуемся имеющимися в этой книге данными.

Каким же был Юлиан Семенов? Вспоминает режиссер Никита Михалков:

«Юлиан был планетой. Попадая в любую компанию, в любую атмосферу, он мгновенно становился магнитом для всех. Он фонтанировал рассказами, острым, веселым и едким диалогом. Будучи самим собой, он совершенно обезоруживал».

Эти слова поясняет дочь Юлиана Семенова: «Быть самим собою для отца означало быть искренним, отстаивать свою позицию и не стараться во что бы то ни стало выглядеть, «как все». Своеобычный, искрометный, живой, не влезал он в навязываемые рамки. В нем не было даже намека на «совковость»: держался раскованно, носил старые джинсы, кожанку и упорно – бороду. Сейчас это кажется дикостью, но в те времена бородатым делали замечания на улице, прорабатывали на собраниях, а папа ее не сбрасывал» [2. С. 129].

В рассказе «Инженер моей души» журналиста Александра Кармена говорится:

«Сейчас нет-нет да и услышишь, что-де Семенов был "слугой режима", что под маской "дозволенного диссидентства" воспевал существовавший строй и его основателей. Нет ничего более далекого от истины. Да, диссидентом в затасканно-привычном смысле этого слова его не назовешь, он же, как и мой отец, не подписывал никаких "прошений", не уехал, не сидел в психушках! Но я убежден, что многие из тех, кто во второй половине 80-х годов встал под знамена перестройки, наивно видя в ней начало желанных перемен, сформировали свои убеждения в том числе и под влиянием семеновских книг. Сергей Петрович Капица как-то назвал такой тип общественно-политического поведения "ортодоксальным несогласием" – желанием перемен и преобразований, но без разрушения всего того доброго и ценного, что было накоплено в процессе многолетнего общественного развития.

Так вот именно эта семеновская непокорность, его нежелание по-конформистски держать язык за зубами и восхищали моего отца. "Юлька ходит по острию ножа, – не раз говорил он мне. – Но как чертовски красиво он это делает!"» [2. С. 137].

Некоторые особенности в творчестве и личности художника эпохи развитого социализма и стали предметом нашего внимания. Какова философия автора, его мировоззрение, которое он высказывает устами своих героев, мироощущение, подчас ничего общего с коммунистической материалистической идеей не имеющее?

Свое кредо – журналиста, писателя, критика – Юлиан Семенов изложил в прозе, письмах, интервью. Одним из главных принципов в творчестве он считал *стремление к правде, авторскую честность*. В 1962 году в журнале «Юность» (№ 1 и № 2) вышла повесть Ю. Семенова «При исполнении служебных обязанностей», отразившей «справедливость» сталинского режима. Повесть не приняли в журнале «Октябрь», отрицательный отзыв она получила в «Литературной газете». Но неожиданно для автора повесть получила одобрение с «вражеской» стороны, из-за границы. 3 июня 1962 года в «Посеве» появилась большая статья А. Чемесовой под названием «Кто же виноват в сталинизме?». Несомненная заслуга писателя уведена в том, что Семенов, «правда, негромко и несмело, заговорил о своем мировоззрении, отличном от общепринятого». Статья, по словам дочери писателя, не обрадовала отца, и он написал автору статьи письмо:

«Г-жа Чемесова!

Так как многие на Западе, по-видимому, не знакомы с вашей статьей (если не ошибаюсь, "Посев" выходит только на русском языке), то мне придется вначале хотя бы в двух словах сказать о сюжете моей повести. Это история молодого летчика полярной авиации Павла Богачева, отец которого был обвинен бериевцами в "шпионаже" и расстрелян без суда и следствия в трагические дни 1937 года. Это также история старого летчика Струмилина, который был близким другом расстрелянного отца Богачева.

Г-жа Чемесова обвиняет меня в том, что я, честно написав о беззакониях, творимых в прошлые годы кучкой подлецов, почему-то радуюсь сегодняшнему дню моей страны и приветствую решения XX и XXII съездов партии, которые открыто и принципиально разоблачили преступления, совершенные Сталиным.

Итак, правда в моей повести – это описание тридцать седьмого года, трагичного для многих из нас, а фальшь – это описание сегодняшнего дня моей Родины. <...>

Повесть моя – глубоко автобиографична. Так что говорить я Вами буду сейчас и от себя, и от Богачева, которого, как Вы пишете, "могут и сейчас арестовать за смелые высказывания".

Вам нравится вопрос, заданный Струмилиным Богачеву: "Паша, а вы не обижены за Советскую власть? За отца? И за детский дом?"

Вам не нравится ответ Богачева: "Мой отец – Советская власть. А тот, кто подписал ордер на его арест и расстрел потом, – я ненавижу их. Они были скрытыми врагами. А потому они еще страшнее. Они делали все, чтобы мы перестали верить отцам.

А нет ничего страшнее, когда перестают верить отцам. Тогда – конец. Спорить с отцами нужно, но верить в них еще нужнее. Так что я не обижен на Советскую власть, Павел Иванович, потому что она – это мой отец, вы, Володя Пьянков, Аветисян, Брок...» <...> А что касается советской критики, то она была разной, и если "Литературной газете" и журналу "Октябрь" моя повесть не понравилась, то "Правде", "Комсомольской правде", "Литературе и жизни", радио, многим республиканским газетам повесть, наоборот, понравилась. Я стою за свободу мнений, и мне было интересно читать рецензии – как за, так и против. Видите, здесь Вы тоже малость нечестны, так как Вы взяли только одну сторону вопроса, обойдя молчанием другую сторону.

Объективность – качество, необходимое в равной мере, как писателю, так и критику. Когда я пишу, то объективен, во-первых, в силу того, что я в данном случае о себе пишу, а во-вторых, я живу там, где происходит действие». <...>

И в заключение: поймите же Вы, наконец, что, когда партия, общество, государство открыто говорят о том, что было, открыто выступают против недостатков – это же свидетельство силы, а не слабости, г-жа Чемесова! Это же очевидно и понятно любому подготовишке от литературы! [Цит по: 2. С. 118, 119, 120, 121].

О стремлении к правде свидетельствуют не только собственные произведения Ю. Семенова, он радовался, видя это в прозе коллег. Об этом письмо М.А. Стельмаху, автору романа «Правда и кривда», повествующего о жизни колхозной деревни в конце войны:

«Разговоры Ваших героев – не написаны, они – записаны. Публицистичность в романах хороша тогда, когда она лежит в ткани вещи, когда она рождена поведением, поступками и ОБЩЕЙ ПРАВДОЙ героев. Когда она звучит менторским авторским насилием, право же, тогда она стреляет вхолостую или же достигает результатов, обратных замыслу автора.

Я представляю себе, как много людей с болью, но и с радостью прочтут Ваши строки, которые мне хочется процитировать целиком: "...Что же остается делать мужику, когда после уборки он все свои трудодни выносит со склада в одном мешочке или в котомке? Либо пухнуть с голоду, либо как-нибудь выкручиваться и лукавить, теряя и достоинство, и сердце. Вот и начинает он выкручиваться как может, как умеет..."» [Цит. по: 2. С.120].

Говорить правду в те времена было непросто, очень непросто. Ю. Семенов мог использовать для этого, что называется, «взгляд стороннего». Таким «сторонним» был один из первых разведчиков в прозе Ю. Семенова – Владимиров, получив блестящее образование в Цюрихе, хорошо знавший руководителей российского левого движения: «Романтик, поклонник Платона, молодой Владимиров (Исаев) считает, что государство может и должно быть высшей формой справедливости. Он не слеп – видит царящую вокруг жестокость и дикость, но верит, что они исчезнут, как только культура придет в новое общество в образе справедливого высшего судьи, не прощающего варварства... <...> Молодой разведчик исповедует знание, руководствуясь китайской мудростью: человек должен верно познать предметы, его окружающие, ибо только в случае верного познания предмета он сможет правильно организовать разрозненные сведения в единое знание. Если знание широко и разносторонне, оно превращается в истину. Приближение к истине позволяет человеку найти правильное поведение в жизни. Он против крайних мер, редко идет на жестокость, сказываются его принципы, характер и воспитание отца – гуманиста и интеллигента, – но искренно верит в революцию» [2. С. 158, 159].

Чтобы высказать правду, Ю. Семенов использовал в романах о Штирлице эзопов язык. По словам дочери, отец, «давая мне только что напечатанные отрывки рукописи, с затаенной радостью говорил: «Я тут заложил пару фугасок, они должны шандарахнуть». «Фугасками» он называл и характеристики на членов НСДАП (ребенку понятно, что он включил их, чтобы показать абсурдность характеристик, выдаваемых нашими парткомами), и рассуждения Штирлица о тоталитарном государстве, одинаково прилагаемые как к нацистской Германии, так и к нашему строю, и абсолютно

антисоветские высказывания, которые он вкладывал в уста политических противников. Так, в «Альтернативе» я наткнулась на фразу: «Россия – отсталая азиатская держава, которая сама по себе изрыгнет большевизм, оставшись один на один со своими экономическими трудностями, окруженная на востоке алчными азиатскими государствами, а на западе – стеной холодного и надменного непризнания». Как это печатали в военных издательствах в начале 1970-х годов, я понять не могу!

На какие только уловки и хитрости не шел папа, чтобы протащить интересные и свежие идеи через крохотные прорехи в солидном заборе советской цензуры» [2. С. 184].

Отдельной темой в отношении Ю. Семенова к советской реальности является его отношение к начавшейся перестройке в стране. Известно, что писатель был инициатором, спонсором и редактором издания «Совершенно секретно». На его страницах были высказаны его суждения о происходящем. В каждом номере, в колонке главного редактора он писал то, что считал необходимым – как журналист и как гражданин. Так, в «Колонке главного редактора», озаглавленной «Совершенно открыто» («Совершенно секретно. 1989, № 1, июнь»), в частности, сказано:

«Перестройка дала рабочим право на премиальные, – по конечному, понятно, результату, на совместительство, которое было запрещено, начиная с 1929 года, тот, кто думает о семье, может заработать. Слава Богу, желание заработать перестало быть синонимом "стяжательства" или, того хуже, "кулачества". Но ведь многие не хотят зарабатывать, ждут, чтобы манна небесная сама в рот свалилась. Не свалится! И кивать на кого-то нечего, – Обломов с Маниловым родились не в Лондоне!

Против перестройки блокируются когорты тех чинуш, которые, проиграв на выборах, спят и видят возвращение командно-приказной системы, – с помощью или аппаратно-отработанных процедур, манипуляций, демагогии, или скрытого подкупа тех, кто мог бы выражать общественное мнение.

Бюрократа косят, и правильно делают, но давайте заглянем в корень – исполкомовский аппаратчик права на совместительство не имеет, получает, как получал, сто тридцать рублей в месяц. На такие деньги попросту не проживешь; а взятки – пока что – брать страшно, хотя на еду не хватает, именно на еду – не роскошество».

Всего несколько статей в «Колонке главного редактора» могут дать представление о тех сложностях, которые испытывала страна во время перестройки, о преодолении теории и практики сталинизма и его последователей. Одно из главных зол – бюрократизм: «Необходим закон, который бы раз и навсегда определил обязательный срок для ответа административных органов на запросы директоров заводов и совхозов, словом, всех тех, кто в отличие от скомпрометировавших себя министров только и может накормить и одеть народ. Время увещеваний кончилось». <...>

«Но где же закон, принятый Кремлем, который бы всенародно объявил об отмене сотен тысяч нормативных актов, по сей день висящих дамокловым мечом над местными (да и столичными) руководителями?! А ведь они – всей трагичной историей нашей, – выращены пугливыми! Их же таинственно и закулисно назначали! А стал выбирать народ, так сразу же пошел плач: "Дискуссионный клуб! Сдаем позиции!"

До тех пор, пока существуют сотни тысяч не отмененных нормативных актов, принятых в тридцатые еще годы, гласный смысл которых еще в том, чтобы "не дать, не пущать, не позволить", мы с места не сдвинемся». <...>

Нужен «новый закон о налогах, который, дал бы «возможности государству существенно увеличить пенсии ветеранам и инвалидам, пособия многодетным семьям, заработную плату тем, кто получает менее реального прожиточного минимума, а таких в стране десятки миллионов».

Не утратили значимости мысли Ю. Семенова о правовом государстве: «Правовое государство – это отсутствие номенклатуры, подбор кадров не симпатиям и личным привязанностям, а по деловым качествам, которые определяют те, с кем человек работает, что называется, лицом к лицу.

Правовое государство – не назначение "танталов", министров, иных руководителей, – но выборы истинных талантов снизу».

В колонке редактора, названной «Совершенно открыто-2» Ю. Семенов высказался об излишней централизации в управлении страной: «Управлять экономикой гигантской державы из единого центра невозможно, полагать, что можно вести все планы, соединить их воедино и ждать после этого выхода из экономического тупика, – маниловская утопия. Рынок, оборот, предпринимательство, инициатива на местах, не связанная кандалами нормативных актов, – в этом мне видится надежда на выход из кризиса. Но, увы, "писатель пописывает, читатель почитывает"... Решительные и однозначные меры по децентрализации экономики и приданию реальных исполнительных функций местным Советам до сих пор не приняты. Чего ждем?» [Цит. по: 2. С. 518-532].

Скорейшего устранения, по мнению писателя, требовали недостатки в туристическом бизнесе и необходимости быстрейшего налаживания инфраструктуры, строительства отелей и т.д. Это требовалось для получения валюты, столь необходимой в то время стране.

* * *

В качестве заключения далеко не исчерпывающего обращения к творчеству и личности Юлиана Семенова приведем слова дочери:

«Отец столь остро ощущал свою принадлежность России, что думать о своем благополучии вне ее не хотел. Видя недостатки и проблемы строя, желал кардинальных перемен, но считал, что изменения должны быть серьезно продуманы, проводиться в интересах самых широких слоев населения и в рамках закона и логики, а не стихийно. Он не был членом партии, но верил в возможность социализма европейской модели – с частной собственностью, свободой предпринимательства, открытыми границами, конвертируемым рублем и сохранением в руках государства недр – всего лишь. Увы, большинство было настроено менее романтично, и отцу это стало ясно».

Накануне «смутных времен», когда в семье возник вопрос о возможности уехать из страны, Ю. Семенов ответил: «Я останусь до конца. Создатель Штирлица уехать из России не имеет права».

Эта преданность своей стране и чувство личной ответственности за миллионы поверивших ему читателей предопределяли все его поступки. Фразу одного из отцовских литературных героев – писателя Никандрова из «Бриллиантов для диктатуры пролетариата»: «Мою землю, кто бы ею ни правил, люблю», можно считать и его жизненным кредо» [2. С. 535-536].

Список литературы

1. Известный и неизвестный Юлиан Семенов // Книжное казино. Эхо Москвы. 2011. 16 октября.
2. Семенова О.Ю. Юлиан Семенов. М.: Молодая гвардия, 2011.